

вооружались и во всем Кавказе, даже среди неприятелей своего племени, пользовались совершенной безопасностью»<sup>2</sup>. Именно им, заключает свои изыскания В. А. Кузнецов, нартский эпос обязан широким распространением среди народов Северного Кавказа, у которых нартские сказания «бытуют до сих пор в своих оригинальных национальных вариантах» (с. 95).

С кем соседствовали нарты в Прикубанье со стороны степей, выясняется в VI главе — «Тюрки в нартском эпосе». До сих пор этот вопрос решали преимущественно в плане выявления тюркских элементов в эпосе. В. А. Кузнецов перевел его в этническую плоскость. Оставляя в стороне механизм исследования, отметим только, что попытка автора увенчалась успехом. На большом сравнительном материале ему удалось убедительно установить целый ряд древнетюркских и угорских племен и народов, с которыми создатели эпоса контактировали на протяжении второй половины I и начала II тысячелетия н. э. В числе этих племен были авары (в эпосе «вар», «уар»), древние болгары («агур», «угур»), хазары («хыз», «хаз»), куманы («гумский человек», страна «Гум»).

Завершающая глава книги — «Нартский эпос и памятники средневековой материальной культуры» посвящена интерпретации произведений прикладного искусства, представленных на бытовых позднесредневековых изделиях, постройках (храмы, склепы) и других исторических памятниках и предметах. Исходя из посылки, что «фольклорно-эпическое творчество в древности было одним из основных проявлений духовной жизни и культуры, образно-художественным воплощением господствующей в народных массах идеологии» (с. 115), В. А. Кузнецов стремится увязать с эпосом фрески известной Нузальской церкви (рубеж XI—XII вв.), изображение птицы, держащей в клюве ветвь с тремя круглыми плодами (золоченая седельная пластинка из Змейского катакомбного могильника XII в.), рельефную композицию на стене дольменообразного склепа из окрестностей городища на р. Кривой (XI—XII вв.) и некоторые другие декоративные сюжеты памятников прошлого. Одни его объяснения остроумны и в значительной степени убедительны, другие, на наш взгляд, менее удачны: например, сравнение композиции с изображением черепахи (на склепе из окрестностей р. Кривой) с «Колесом Бальсага» из эпоса; или трактовка борьбы нарта Сослана с «алдаром Гумиром» как отражение классовой борьбы внутри нартского общества, хотя известно, что на Кавказе понятие «Гумир» отождествляется с легендарными киммерийцами (сравни грузинское «гмири» — герой). Но суть не в этих частностях. Нет никакого сомнения в том, что в целом работа В. А. Кузнецова представляет собой важный вклад в изучение нартского эпоса, будирует исследовательскую мысль и, как отмечает автор в «Заключении», заставляет нас признать, что в недрах эпоса содержится ценная историческая информация, «которая далеко не исчерпана и подлежит дальнейшей разработке».

*В. П. Кобычев*

<sup>2</sup> Бутков П. Нечто к «Слову о полку Игореве». — Вестник Европы, ноябрь 1821, ч. СХХI, № 22, с. 112

**Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.)** / Под ред. Савушкиной Н. И. М.: Изд-во МГУ, 1980, 279 с.

Рецензируемый сборник подготовлен студентами филологического факультета МГУ, участниками фольклорных экспедиций и семинара по методике публикации архивных фольклорных материалов. Тексты и описания обрядов собраны в четырех поездках на Пинегу — в 1970, 1971 и в 1972 (две поездки) гг. Следует сразу сказать, что сборник получился интересным — тексты значительно дополняют опубликованный материал по фольклору русского Севера, а их научная обработка (отбор, вступительные статьи к разделам, примечания) выполнены продуманно и тщательно. Весьма отраднo, что вся эта сложная и большая работа выполнена студентами (49 чел.), в чем немалая заслуга их руководителя и редактора сборника Н. И. Савушкиной.

В отличие от предыдущих публикаций фольклора Пинежья, уделявших большое внимание эпическим произведениям, в рецензируемом сборнике собрана обрядовая поэзия.

Сборник построен по жанрово-тематическому принципу и состоит из предисловия и четырех разделов: «Календарная поэзия», «Свадебный обряд и поэзия», «Похоронный обряд и поэзия» и «Заговоры». Он снабжен необходимым научным аппаратом: вступительные статьи и примечания к разделам, список использованной литературы, словарь местных слов, алфавитный указатель текстов песен и причитаний (разделы I, II, III); предметно-алфавитный указатель текстов заговоров, список исполнителей, словарь местных и устаревших слов, список библиографических сокращений.

Важным дополнением к сборнику является музыкальная часть, подготовленная музыковедом-фольклористом Ю. Е. Красовской.

Раздел «Календарная поэзия» (вступительная статья Л. Нехай, подготовка текстов и примечания Е. Королевой и Л. Нехай) включает 21 песню двух обрядовых циклов — периода подготовки будущего урожая, а также весенне-летних полевых работ и сбора урожая. Песни первого цикла (опубликовано 13 текстов из записанных 60) составляют колядки и «виноградья». Очень жаль, что не даны описания колядования,

тем более что студентами их записано около 20. Этот материал был бы к месту в сборнике, так как обряд колядования практически уже исчез и записи были сделаны, возможно, из уст последних очевидцев.

Второй цикл раздела состоит из 8 текстов. Это песня «Пятница», исполнявшаяся в праздник «Девятой пятницы» (после Пасхи) во время ритуального обхода дворов, и дожиночные песни. Все тексты представляют особую ценность, так как встречаются редко, а песню «Пятница» (№ 14) можно считать уникальной — до сих пор текст ее не приводился ни в сборниках народных песен, ни в исследованиях по фольклору.

Дополнительные сведения и интересные наблюдения содержатся в примечаниях. Они отчасти восполняют отсутствующие описания обрядов святочно-рождественского периода, уточняют особенности бытования некоторых текстов (например, № 3, 6, 10, 12).

Русской фольклористике, начиная с середины XIX в., известен различный подход к публикации свадебного обряда и фольклора. Создавая раздел «Свадебный обряд и поэзия», составители сборника стремились представить читателям «свод пинежской свадебной поэзии и соответствующий ему обряд». При этом они рассматривали материал с точки зрения фольклористов-филологов, т. е. прежде всего как комплекс «поэтических произведений». Созданию «свода» безусловно предшествовала большая работа по выявлению основных устойчивых эпизодов свадебной игры по всей Пинеге, а также по составлению общего поэтического репертуара свадьбы. «Свод» пинежской свадьбы составлен главным образом по воспоминаниям участников и очевидцев о событиях приблизительно 50-летней давности, а также по их пояснениям к песням и причитаниям.

За основу «свода» был взят обряд, рассказ о котором (записан в дер. Кушкокала зимой 1972 г.) оказался в материалах экспедиции наиболее полным. Мне кажется, что публикация такого «свода» допустима, особенно если подходить к материалу с точки зрения фольклориста-филолога. Кроме того, подобный «свод» будет полезным для студентов при изучении русского фольклора. Для этнографа же такого рода материал менее интересен, так как при его составлении теряются многие важные подробности (главным образом детали обряда, не сопровождающиеся исполнением песен, описания внешнего вида и поведения участников, а также факты, позволяющие судить о состоянии северных локальных традиций). Вместе с тем сама возможность создания такого «свода», по-видимому, свидетельствует о процессе унификации и нивелировки обряда, произошедших на Пинеге за последние 40—50 лет. И все же более полное описание обрядовой стороны свадьбы значительно обогатило бы представление о местных традициях и эволюции обряда. Что касается фольклорного материала, то «свод» очень интересен. Песни и причеты, включенные в него, отличаются хорошей сохранностью, полнотой, большой поэтичностью. Интересны описания обряда и отдельных деталей, поясняющие тексты. Однако хотелось бы видеть более полные и четкие пояснения как в тексте свода, так и в некоторых примечаниях. Например, из примечания к № 53 неясно, в каких районах не подносили водку, к № 54 — где отсутствовал обычай закрывать ворота, когда невесту ведут из бани.

Хочу сказать и о безусловных достоинствах примечаний. Выполнены они тщательно, необходимые справочные сведения, как правило, приводятся с максимально возможной для данного издания полнотой. Примечания содержат ценный исследовательский материал. В них приведены сведения о бытовании песен и причетов, определена локальная прикреплённость отдельных текстов или их фрагментов (например, к № 41, с. 242); отмечены различия в функции причетов и песен во время «посидок»; дана характеристика взаимоотношения причетов и песен в обряде.

Кроме описания традиционного свадебного обряда в сборнике приведено и описание современного свадебного обряда, сделанное в той же дер. Кушкокала, что дает интереснейший материал для изучения эволюции обряда. Приводимые материалы еще раз свидетельствуют о явлениях, уже неоднократно отмечавшихся исследователями, прежде всего о сокращении обряда за счет многих обрядовых моментов и деталей, связанных с ушедшим бытом, о появлении новых элементов, часто заимствованных из городского обряда, и др. Подтверждается лучшая (в сравнении с другими обрядовыми моментами) сохранность традиционных игровых моментов. Интересно, что в описании современной свадьбы, сыгранной по-старинному, появляются детали, скорее всего традиционные, но не зафиксированные в «своде» (сравни, например, «Заручины»). Что это — результат более детального опроса или заимствование из других, не местных обрядов?

В раздел «Свадебный обряд и поэзия» включены также подразделы: «Свадебная лирическая песня», «Величальные и корильные песни» и «Причитания», где опубликовано более 30 сюжетов свадебных песен. Восемь из них вошли в подраздел «Свадебная лирическая песня» (вступительная статья, подготовка текстов и примечания В. Варгановой). Характеризуя место в обряде лирических свадебных песен, В. Варганова делит их на два типа: песни, строго приуроченные к определенным обрядовым действиям и времени исполнения (они были включены в текст описания свадебного обряда), и песни, место которых в обряде не удалось установить. Последние на основании свидетельств информаторов сгруппированы в два цикла — исполнявшиеся в доме невесты и в доме жениха. Эти песни свободно перемещались в пределах своего цикла, но могли и группироваться вокруг каких-то определенных этапов или моментов обряда (например, вокруг «просватанной недели»). Такую систематизацию можно условно принять как рабочую, так как она соответствует современному этапу бытования этого песенного вида.

Следующий подраздел — «Величальные и корильные песни» (вступительная статья, подготовка текстов и примечания Л. Хариновой) включает девять текстов, сгруппиро-

ванных по персонажам, которым они адресованы. Особое место в пинежском обряде, по наблюдениям Л. Хариновой, занимают величальные песни вдове, так называемые «жалостливые». Песни, обращенные к родителям жениха и невесты, на Пинеге не сохранились совсем. По мнению составителя, тексты величальных и корильных песен здесь довольно устойчивы (правда, объяснение причин этой устойчивости спорно, см. с. 103).

Свадебные причитания помещены в двух подразделах: в «своде», где выявлено традиционное и типичное в пинежских свадебных причетах и в «Причитаниях», где представлены записи редких, порою уникальных текстов, отличающихся большим художественным совершенством. Для них характерна и большая смысловая самостоятельность, поэтому они могут быть поняты и без описания обряда (тем не менее составители расположили тексты в соответствии с их местом в обряде). Для того, чтобы показать особенности жанра, связанные с его импровизационным характером, составители включили в этот подраздел и варианты причетов, уже данных в «своде».

Вступительная статья Т. Шмелевой написана с большим проникновением в материал. Хорошо им владея, автор дает читателям представление о жизни жанра в пинежском свадебном обряде, а также о местной традиции исполнения (индивидуальное, а не ансамблевое), которая, по ее мнению, способствовала сохранению причетов в этом районе. Обилие причитаний позволило выявить их типичные варианты, так называемые средние тексты. Составители выделили два основных типа причитаний — ритуальные и лирико-повествовательные. В раздел «Свадьба» вошли причеты ритуальные и наиболее типичные и обязательные из лирико-повествовательных, в «Причитания» — преимущественно менее типичные, часто уникальные. В целом раздел «Причитания» — один из наиболее интересных в книге.

Можно спорить, нужно ли выделять в особые подразделы лирические, величальные и корильные песни, а также причитания. На мой взгляд, нужно, так как это дает возможность более детально и глубоко показать современное состояние жанров и их специфические особенности, определить функции тех или иных текстов песен и причитаний. Жаль, что плохая сохранность других жанров свадебного фольклора не позволила включить их в сборник.

Раздел «Похоронный обряд и поэзия» (вступительная статья, описание похоронного обряда, 37 текстов похоронных причитаний и примечания к ним) подготовлен Н. Нерезенко. Сообщая основные сведения о современном бытовании похоронного причета, автор отмечает, что его традиция по всей Пинеге, особенно в нижнем ее течении, еще сильна, хотя «причет как жанр умирает» — исчезает соотносительность мотивов причета и самого причета с определенными моментами обряда, пропадает элемент комментирования обрядового действия, присущий ему ранее, стирается магическое значение причета и т. п.

В основном опубликованные причеты можно отнести к двум типам — собственно похоронные (исполняются по ходу обряда — при обмывании тела покойного и «снаряжении» его, при положении в гроб и при выносе гроба) и поминальные (исполняются на могиле на 9-й и 40-й день). Последним в большей степени, чем собственно похоронным, присущ элемент заговора. Подобные причеты интересны не только для фольклориста, но и для этнографа, в частности для исследователя древних верований.

Причеты расположены в порядке отнесенности к тому или иному лицу (причеты по матери, по отцу, детям и т. д.), а внутри этих групп — по ходу обряда. Тексты их высокохудожественны и довольно полны.

В разделе публикуется описание похоронного обряда, наблюдавшегося собирателями. В примечаниях оно дополняется материалами других записей. И все же испытываешь сожаление, что многое в обряде осталось вне поля зрения собирателей. Видимо, в данном случае сказались как «филологическая» направленность экспедиций, так и недостаточная этнографическая подготовка собирателей.

Результаты многих экспедиций в разные районы Европейской части СССР свидетельствуют о лучшей сохранности у русских похоронного обряда по сравнению с другими семейными обрядами, и поэтому еще не поздно фиксировать его многие архаические черты. Жаль, например, что очень сжато дано описание обмывания покойного. Выпали многие другие детали обряда, которые помогли бы глубже понять тексты тех же причетов.

Существенно дополняют вступительную статью примечания к текстам. В них включены сведения о бытовании и современном состоянии причетов. Однако следовало бы пояснить некоторые непонятные места, которых, правда, немного. Например, что значит строка «Уж строги углы они у нас да ломали?» (№ 160, с. 148). Видимо, это упоминание о каком-то моменте свадебного обряда, но непонятно, каком. Далеко не каждому ясно значение слова «позорицы» (№ 146, с. 140), которого нет в словнике.

Раздел «Заговоры», на мой взгляд, наиболее интересный в сборнике. И не только потому, что в нем помещены редкие, может быть, уникальные материалы (в последние полвека тексты заговоров не публиковались в таком объеме), но и благодаря четкой и хорошо продуманной вступительной статье А. Пескова и тщательно подготовленным примечаниям Е. Королевой и А. Пескова (у Пескова это не первая работа о заговорах<sup>1</sup>). Коллекция заговоров, собранная студентами на Пинеге, составляет 235 текстов (опубликованы 33). Среди них заговоры лечебные (157 номеров), хозяйственные (38 номеров), заговоры, призванные воздействовать на взаимоотношения людей (16 номеров) и на домового (12 номеров), а также обереги, назначение которых охранять человека

<sup>1</sup> См. Песков А. М. Об устойчивых поэтических элементах русского заговора. — В кн.: Филология. В. 5. М.: Изд-во МГУ, 1977.

(12 номеров). Это собрание имеет не только научную, но и эстетическую ценность, так как большинство текстов отличается высокой художественностью и поэтичностью. Во вступительной статье отмечаются существенные изменения, произошедшие в отношении исполнителей к заговорам, и верно определяются причины, ведущие к их исчезновению. Нельзя не согласиться с автором в том, что «утрата веры в магическую силу слова и действия, прекращение передачи „слов“ молодому поколению, исчезновение из крестьянского быта знахарства и колдовства обусловили угасание утилитарной функции заговора, а вместе с ней и самого заговора как особого фольклорного жанра на Пинеге... Заговор прикреплен к повседневному быту. Поэтому вместе с изменением форм повседневного быта пинежан отпадает и необходимость в „повседневном“ („на всякий случай“) заговоре» (с. 167). В примечаниях содержатся ценные наблюдения о поэтике жанра, в частности об устойчивости и распространенности отдельных формул и мотивов, о вариативности текстов. Весь раздел может служить хорошим фундаментом для дальнейших исследований этого интересного жанра.

В заключение несколько общих соображений о сборнике в целом. У сборника, созданного на основе студенческих экспедиций, есть безусловное преимущество перед сборниками, издаваемыми научными учреждениями, — это массовый полевой материал. Многочисленные записи одних и тех же текстов, многократно повторяющиеся выезды в одни и те же районы позволяют выявить наиболее типичные и полные варианты, с большей достоверностью судить о репертуаре. Несмотря на ряд замечаний, часто продиктованных интересами этнографов, на которые, вероятно, легко возразить (поставленные задачи, объем и т. д.), необходимо подчеркнуть, что сборник получился содержательным. Он воспринимается целостно и выдержан в едином стиле, что особенно важно и сложно при участии многих авторов, индивидуальная манера которых вместе с тем не пострадала. Высокий научно-профессиональный уровень всех публикуемых материалов свидетельствует о больших возможностях студенческой научной работы и позволяет говорить о ней без всяких скидок. Для всех исследователей и любителей русского фольклора выход сборника «Обрядовая поэзия Пинежья» — примечательное событие. Можно только радоваться, что после длительного перерыва филологический факультет МГУ возобновил издания такого рода.

Т. С. Макашина

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

G. Duby. *Le chevalier, la femme et le prêtre. Le mariage dans la France féodale.* Paris: Hachette, 1981. 318 p.

Характерная особенность подхода Жоржа Дюби к семейно-брачным отношениям — стремление рассмотреть их как органический элемент общественной системы в целом. Реализуя этот замысел, Дюби анализирует свой предмет в нескольких различных ракурсах. На первом плане — исследование взаимосвязи семейно-брачных отношений с политическими, социальными, экономическими и идеологическими условиями в течение ключевых — с точки зрения становления брака — этапов средневековья. К таким этапам Дюби относит, во-первых, каролингское время, когда христианские богословы на Западе отказываются от негативной оценки семейно-брачных отношений и начинают трактовать брак как не только допустимый, но и желательный для мирян институт; во-вторых, XI в., в течение которого на Западе формируются две противостоящие друг другу модели брака — церковная и светская; в-третьих, рубеж XI—XII вв., когда противоборство воззрений, отразившихся в этих двух моделях, становится особенно острым; в-четвертых — XII в., на протяжении которого, как полагает Дюби, происходило постепенное сближение и слияние этих двух комплексов воззрений<sup>1</sup>. В конце XII — начале XIII в. институт брака, по мнению Дюби, приобрел на Западе черты, предвосхищающие основные его особенности в новое и новейшее время. Соответственно история семейно-брачных отношений в IX — начале XIII в. трактуется Дюби как история возникновения современных форм семьи и брака.

При рассмотрении семейно-брачных отношений на нескольких последовательных хронологических срезах Дюби совмещает структурный подход к браку как к элементу сменяющих друг друга социальных систем с его генетическим исследованием. Это позволяет сочетать изучение семейно-брачных отношений IX—XIII вв. в их статике — на каждом из выделяемых Дюби этапов — и в их динамике — в течение периода в целом. Два названных плана анализа брака как социального явления дополняются в книге двумя другими. Один из них — исследование *представлений* о браке, присущих в тот или иной момент различным социальным группам, другой — сопоставление этих представлений с социальной практикой. Подобный историко-культурный анализ в некоторых разделах книги занимает едва ли не центральное место. Он служит не только раскрытию основной темы, но используется и для освещения более общей проблемы,

<sup>1</sup> Автор опирается преимущественно на французские источники. Однако в центре его внимания не специфика французских форм брака, но общие для Западной Европы феномены, которые с особой отчетливостью отразились как раз в материалах французского происхождения.